

Белов В. И. Живое и мертвое / В. Белов // Внемли себе / В. Белов. – М., 1993. – С. 114–116.

Василий Белов

ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

Посвящается академику
Федору Григорьевичу Углову

Зимою, когда кроны окидывал иней, они были похожи на три серебристо-белых облака, взметнувшихся и зависших над заборами и строениями. В такие дни даже вороны и галки боялись разрушить тишину, рожденную морозным загадочным сном этих деревьев. Три тополя спали безмолвно и величаво, ждали своего весеннего часа. Не просыпались они даже тогда, когда мороз убывал и ветер, дальний родственник тепла, с маху сдувал серебристую бахрому инея, пытаясь раскатать ветви, ослабевшие на ветру.

Вот уходит зима. Мартовский холод еще господствует в тополях, но сквозь оголенные кроны уже синее золотая бездонная голубизна. Уже запахло и талой водой, а деревья все еще спят, по-младенчески доверяясь недолгому солнечному сиянию, синему небу, родимой Вологде, взрастившей их такими большими. Да, они все еще спят, они безмолвны, но они живы! В апреле кора деревьев наливается древесной кровью. Зеленец, еле заметный, проступает сквозь тополеву плоть. Не так ли проступает румянец на детских щеках во время глубокого сна?

Наконец сразу, в одну ночь, свершается пробуждение. Преодолев холодную косность, природа и в городе, и за городом враз отрешается от зимнего сна. Весенние неудержимые силы охватывают всю мощную плоть — всю до последнего мельчайшего корешка, до самой крохотной веточки. Миллионы коричневых почек затемнили кроны трех заводских тополей. Почки набухают и лопаются, чешуя падает на асфальт, приликая к

ногам прохожих. И ни с чем не сравнимый, резкий, бодрящий запах — запах жизни — снова витает над корпусами заводов. Зреет, нарождается из ничего зеленая плоть только что явленных тополиных листочков, быстро (почти на глазах) раскрываются почки. Растут, растут эти крохотные листочки.

Через день они уже не листочки, а листья: свежие, клейкие, ничем не оскверненные, не покрытые летней пылью, не закопченные гарью заводских труб. Они так нежны, так первозданно чисты, что вызывают улыбку на самых безжизненных человеческих лицах, прибавляют сил в самых усталых ногах.

Такова бесконечная мощь обновленной и вечной жизни.

Три кроны, сливаясь в одну большую зеленую тучу, еще не сумев пошуметь на майском ветру, ждут облегчающей первой грозы.

Так было и в ту весну, всё так. Но вместо могучего — под стать деревьям — первого летнего грома три тополя услышали угрожающее, жалкое и нахальное урчание бензопилы. Какие-то люди вздумали сделать из трех тополей три статуи. Они спилили деревья на высоте трех или четырех метров. Они умертвили живую древесную плоть, расчленили ее на части, обкорнали мощные ветви и увезли.

Три пня все еще жили, не желая умирать, слезились, но вот пришли скульпторы... Желая вдохнуть в эти тополиные пни новую жизнь — жизнь искусства, скульпторы начали рубить, кромсать, долбить, сверлить и строгать все еще живую древесную плоть.

За несколько часов они превратили тополиные пни в три нелепых фигуры: живая жизнь сменилась мертвым искусством.

Три тополя умерли поистине стоя.

Но могучие корни, оставшиеся в родной вологодской земле, все еще живут и вот уже несколько лет посылают свою влагу наверх, к теплу и солнцу. Но теплому солнцу некого греть, и под синим небом нечему зеленеть, нечему шуметь на вологодском ветру.

Трем мертвым идолам, изображающим двух женщин и старика, не нужны живые соки земли. Одна из фигур, задрав уродливо птичью голову, силится глядеть в небо, то же самое пытается делать бородатый курносый старик. Но все трое — мертвы...

А что может увидеть мертвый болван? Он не разглядит даже щит на крыше вологодского ликеро-водочного завода. На этом щите, сделанном в виде обобщенно-урезанной пятиконечной звезды, привинчены изображение реторты (как же, химия!) и арматура с изображением формулы: C_2H_5OH ... Так украшен фасад ликеро-водочного. Когда распахиваются для очередного виновоза ворота, проходим открывается обширный внутривзаводской плакат:

«Ударная работа — гарантия перестройки»

Да, конечно, ударное производство бутылок надежно гарантирует нашу отсталость и миллионы человеческих жертв. Оно гарантирует многие тысячи распавшихся семей и многие тысячи неучтенных трагедий. Вот что такое это краткое C_2H_5OH ...

Мертвые символы, мертвые знаки! Мертвы и фигуры на месте трех тополей. Но каждый год под осень из головы и глаз курносого старика вырастают живые грибы... Растут грибы и из глаз деревянной женской фигуры, вырастает каждый год какая-то поганка на месте пуга...

Вот так же, точь-в-точь, обезображено и все живое древо народной жизни.

ИЗ ПЕПЛА...

Преподаватель Ритсбургского университета Николай Петрович Полторацкий прожил на земле почти семьдесят лет. Вся его жизнь прошла во имя России, но вне России. Он даже родился, как говорится, не дома, а на чужбине в 1921 году, в Стамбуле. Жил в Турции, во Франции, в Болгарии и Америке. И ни дня в России! Но вот осенью 1990 года он встретился наконец с любимым Отечеством. Приехал в Петербург читать лекции русским студентам и... умер.

Незадолго до своей смерти, еще до приезда в Россию, он послал мне книгу с дарственной надписью: «...о борьбе за русскость и ее возрождение И. А. Ильине».

Насколько я могу судить, никто не сделал так много в честь И. А. Ильина, как Николай Петрович Полторац-